

УДК 82.091

Пуряева Н.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В УЧЕБНИКАХ СЛОВЕСНОСТИ 1840–1850 ГГ.¹

Аннотация. На материале учебников и хрестоматий 1840–1850 гг. в статье рассматривается становление педагогического канона в отношении произведений М.Ю. Лермонтова. Проанализировано более двадцати учебников словесности и хрестоматий для разных возрастных групп (от детского возраста до гимназического), а также университетские курсы словесности. Обозначен спектр восприятия произведений Лермонтова авторами-составителями учебников словесности и хрестоматий. Отмечены основные тенденции становления педагогического литературного канона в 1840–1850 гг. Приведён перечень произведений Лермонтова, включённых в учебники и хрестоматии данного периода. Указаны наиболее значимые учебные пособия (Греч, Галахов, Зеленецкий), повлиявшие на формирование традиции включения произведений Лермонтова в учебную программу.

Ключевые слова: Лермонтов, Галахов, Греч, Зеленецкий, преподавание в гимназии и школе, учебники словесности, хрестоматии.

N. Puryaeva

Lomonosov Moscow State University

MIKHAIL LERMONTOV'S WORKS IN RUSSIAN TEXTBOOKS AND ANTOLOGIES OF 1840-1850

Abstract. Basing on Russian textbooks and readers of 1840 – 1850 the author analyses the formation of pedagogical canon in relation to Mikhail Lermontov's poetry and prose. The article analyses over 20 textbooks and readers of that period, as well as the university textbooks. The spectrum of perceiving Lermontov's works by the authors of the textbooks and readers is outlined. The main tendencies of the pedagogical canon formation in the period mentioned are presented. The list of all Lermontov's works included into the textbooks of 1840 – 1850 is given. The most influential textbooks of that time (by Galakhov, Gretch, Zelenetsky) and their impact on the tradition of including Lermontov's works into schoolbooks are mentioned.

Key words: Lermontov, Galakhov, Gretch, Zelenetsky, teaching process in gymnasiums and schools, textbooks of philology, readers.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00498 «Концептуальные основы современного лермонтоведения»

С первой половины 1840-х гг. произведения Лермонтова вошли в корпус текстов, которые на протяжении уже более 170 лет составляют «ядро» программы изучения отечественной литературы.

Основоположником этой традиции можно считать А.Д. Галахова, который в свою «Полную русскую хрестоматию...» [5] включил отрывки из «Героя нашего времени», отрывки из поэм «Мцыри» и «Демон», а также ряд стихотворений².

Примеру Галахова последовали Н.И. Греч, выпустивший в 1844 г. третье, переработанное издание «Учебной книги русской словесности» [6]³, и В.Т. Плаксин в «Учебном курсе словесности...» [13]⁴ 1844 г., а затем в «Руководстве к изучению истории русской литературы...» [14]⁵ 1846 г.

Столь скорое признание при том, что стихотворения Лермонтова начали регулярно появляться в журналах лишь с 1837 г.⁶, а первый сборник стихотворений и отдельное издание «Героя нашего времени» увидели свет в 1840 г., не было чем-то из ряда вон выходящим для педагогической традиции 1840-х гг. Следуя тенденции, заданной «Учебной книгой русской словесности» Греча⁷, многие последующие составители хрестоматий ставили перед собой цель широко «представить образцы языка» [5, с. II] на матери-

² Галахов включил следующие произведения: отрывки из «Героя нашего времени» («Гуд-Гора», «Вид с гор», «Утро в Пятигорске», «Езда верхом», «Ночь в Пятигорске», «Знакомство с Максим Максимычем»); отрывки из «Мцыри» («Рассказ Мцыри»); фрагменты из «Демона» («Кавказ», «Монастырь», «Погребение Тамары»); стихотворения «Ветка Палестины», «Молитва», «Казачья колыбельная песня», «Парус», «Воздушный корабль».

³ Греч включил следующие произведения: «Казачья колыбельная песня», «Последнее носовелье», отрывки из поэмы «Демон», «Герой нашего времени» (начало повести «Бэла»).

⁴ Плаксин включил следующие произведения Лермонтова: «Казачья колыбельная», «Воздушный корабль», «Дума» (Печально я гляжу...), «Русалка».

⁵ В эту книгу Плаксин включил лишь «Думу» и «Молитву» («В минуту жизни трудную...»).

⁶ Мы не принимаем во внимание публикацию 1835 г., сделанную без ведома Лермонтова.

⁷ Н.И.Греч создал первое в отечественной педагогике пособие по словесности для гимназий, в которое вошли исключительно русские авторы: «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творческих сочинениях писателей, чьих труды помещены в сем собрании» (СПб., 1812). На его основе в 1822 он выпустил новый, значительно расширенный учебник – «Учебную книгу русской словесности» (Ч. 1–4, СПб., 1819–1822). Примечательно, что при каждом переиздании (2-ое изд., СПб., 1830–1834; 3-е изд., СПб., 1844) круг писателей заметно менялся и расширялся сообразно оценке Гречем их текущей литературной значимости. Огромное значение в этом имела деятельность Греча как редактора журнала «Сын отечества». Будучи в курсе последних литературных тенденций, он не боялся помещать в «Учебной книге» произведения, совсем недавно вышедшие в журналах. Так, в третьей части 1-го издания «Учебной книги» (СПб., 1820; цензурное разрешение от 1 мая 1820 г.) был помещен отрывок из поэмы «Руслан и Людмила», впервые опубликованной в журналах «Невский зритель» и «Сын отечества» в марте – апреле 1820 г. А вот стихотворение А. Буниной, единственной писательницы, включенной Гречем в учебник, уже с третьего издания было исключено, поскольку значимость ее на тот момент снизилась (напомним, что поэтесса умерла в 1829 г.).

але современной литературы, поэтому перечень авторов некоторых хрестоматий вполне сопоставим с содержанием литературных журналов того периода⁸: Плетнев, Никитенко, Бугарин, Загоскин, Росточина, Подолинский, Павлова, Лажечников, Полевой, Закревская, Панаев, Погодин, Федор Глинка, Шихматов и т.д.

Иными словами, составители хрестоматий (а их за 1840–1850 гг. удалось найти 23 наименования, для разных возрастных групп – от детских книг для чтения до гимназических и учебников) не ставили перед собой осознанной задачи выработать педагогический канон, но представить образцовые произведения современной литературы.

В этом смысле значительно более осторожны и консервативны университетские учебники словесности. Так, профессор И.И. Давыдов в своих «Чтениях о словесности» (2-ое изд., М., 1837–1843) и профессор С.П. Шевырев в двухтомной «Истории русской словесности, преимущественно древней» (М., 1846) нарочито игнорируют современный литературный процесс, ограничиваясь средневековой литературой.

Что касается оценки творчества Лермонтова составителями хрестоматий, то они колеблются от *молчаливого признания* (Будрин, Святой, Чистяков, Охотин), когда составители вообще не дают комментариев отбора текстов, литературные произведения используют в качестве примеров литературных жанров или иллюстраций тех или иных видов тропов, до *признания безусловного*.

Однако наиболее распространенной позицией можно назвать *признание вынужденное*. Такова, например, характеристика Н.И. Греча, данная в «Учебной книге русской словесности»: «Лермонтов, молодой писатель с необыкновенными дарованиями, в прозе написал роман “Герой нашего времени” и в стихах несколько превосходных лирических пьес. Ранняя смерть прекратила жизнь его, много обещавшую отечественной словесности» [6, с. 328]. Гораздо более резко он высказался в заказном, по мнению исследователей, отзыве «Разбор сочинения, озаглавленного “Россия в 1839 г.” маркиза Кюстина»: «Его смерть – событие весьма горестное, так как с ним ушел в могилу и весь его блестящий талант, но вся его жизнь доказывает, что правительство было совершенно право, когда удалило его из Петербурга: остается только пожалеть, что стремление к добру не преобладало в его моральном облике, ни в его литературной деятельности» [10, с. 120].

⁸ Более того, например, Асоченский помещает после статьи о Лермонтове многозначительное примечание: «Прочие поэты, современные нам, или только начинающие свое поприще, или еще не определившие себе места в литературе, не могут входить теперь в историю: но понятие об них непременно должно сообщать. Пособием для этого могут быть современные журналы» [1, с. 144].

Несколько мягче, но в том же ключе высказывается В.Т. Плаксин, учитель словесности Лермонтова в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров: «Превосходство Лермонтова пред многими современными поэтами несомненно. В нем мы видим не одну способность переимчивости, но и силу самостоятельной деятельности; однако, признавая смелый, сильный талант и творческую силу в Лермонтове, мы не можем безусловно согласиться с журнальными возгласами и временным влечением модного мнения, что он мог бы вполне заменить Пушкина. Лермонтов, конечно, бывши истинным сыном настоящего века, так сближен был с ним своими понятиями, что можно назвать его справедливо представителем (его времени) новейшего поколения; но эта самая сближенность или, лучше сказать, безусловная зависимость от безхарактерного, безидейного времени, которое он так живо изобразил в своей “Думе”, прямо намекает на его безыдейное направление и слабость поэтического характера. <...> Прочтите “Герой нашего времени”, который по мнению его приверженцев, есть лучшее его создание; – и вы не найдете ни основной идеи, ни силы творчества, ни очарования искусства; это простой, но верный список с самой дурной натуры, которая не стоит искусства; – это осмеянный им мир! Такова большая часть его произведений» [14, с. 396–398]. Однако Плаксин вынужден признать, что, когда Лермонтов «выходил из этого холодного мира, тогда талант его торжествовал, тогда он творил, и творения его принимали характер высокого искусства. «Возьмите, например, “Хаджи Абрек”, “Мцыри”, и даже мелкие песнопения, как – “Русалка”, “Бородино”, “Новоселье”, “Молитва”» [14, с. 398].

Говоря о безусловном признании места Лермонтова в литературном процессе, приведем пример из уже цитировавшегося Галахова: «...Учить образцы изящного современного языка – языка Карамзина, Крылова (в баснях), Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова⁹... – не только полезно, даже необходимо» [5, с. V]. Или в другом месте он ставит в один ряд Шиллера, Гете, Гюго, Жуковского, Пушкина и Лермонтова [5, с. VIII].

А вот пример из «Истории русской литературы для учащихся» К.П. Зеленецкого, который через три года выступил автором гимназического курса словесности, написанного по заказу Министерства народного просвещения: «М.Ю. Лермонтов (ум. 1841) одарен был творческим дарованием и силой верно созерцать жизнь в идеальных образах, но преждевременная

⁹ Шевырев в рецензии выступил против оценки Галахова, считая необоснованным ставить Лермонтова «наравне с именами Н.М. Карамзина, И.А. Крылов, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина» (Москвит., 1843, ч.3, № 6, с 502–508). В ответной статье Галахов защищал Лермонтова от обвинений в подражательности и грамматических ошибках и, более того, осмеливался утверждать, что в «Думе» и «Герое нашего времени» Лермонтов шагнул выше Жуковского и самого Пушкина [4] Белинский поддержал Галахова заметкой «Несколько слов “Москвитяину”» (Белинский. Т. 7. С. 621–630). Об этом см.: [3].

смерть вопрепятствовала поэту созреть и создать нечто себя достойное. <...> Лучшими из стихотворений Лермонтова признаются: лирическая поэма “Мцыри”, “Хаджи-Абрек”, “Боярин Орша”, “Измаил Бэй”, “Демон”, “Дары Терека”, “Три пальмы”, “Чувство природы”, “Ветка Палестины”, “Молитва”, “Песнь про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова”, написанная в подражание нашим народным сказкам. Одно из самых ранних произведений Лермонтова, его драма “Маскарад”, по энергической завязке своей показывает, что, быть может, мы лишились в нем великого, драматического поэта» [7, с. 212–213].

В таком же духе написана статья о Лермонтове в книге В.И. Аскоченского, на тот момент киевского профессора словесности, «Краткое начертание истории русской литературы»: «Лермонтов краткое появление свое в нашей литературе ознаменовал блестящим образом. “Песня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова” была первым творением, обратившим на него внимание публики. Полнота содержания, превосходный, истинно русский, народный рассказ отличают это единственное в своем роде произведение Лермонтова. Во всех последующих его стихотворениях видна могучесть мысли, решительно преобладающей над формой, глубокость неподдельного чувства и всеобъемность содержания. <...> Но дух сомнения и горького разочарования оттенил думы его мрачным недовольством и отрицанием. В те же минуты, когда душа поэта укреплялась благодатною силою молитвы, Лермонтов являлся неподражаемо сладким певцом явлений мира духовного. Лучшая из поэм его – „Мцыри” – есть исповедь души тревожной, в самой себе искавшей спокойствия и тишины и горько разочарованной в лучших надеждах своих. Картины, изображаемые Лермонтовым, блестят всеми радужными цветами живой, творческой фантазии и поражают особенною выпуклостью и изяществом. Стих необыкновенно звучен, крепок, очарователен, при всей видимой простоте своей. Из прозаических его сочинений пользуется особенною известностью роман “Герой нашего времени”. Тут разоблачается вся растленность человеческой природы, эгоистическое стремление души к мнимо-успокаивающим наслаждениям чувственности. Типические характеры Печорина, Бэлы и Макима Максимыча обличают работу смелой и творческой руки истинного поэта-художника» [1, с. 143–144]. Книга Аскоченского, впрочем, не получила широкого хождения, отчасти, видимо, потому, что стала своего рода подведением итога профессорской деятельности Аскоченского¹⁰, которую он оставил в 1846 г., сосредоточившись на писательстве и журналистике.

¹⁰ Майков в ОЗ 1846, № 9, довольно негативно отозвался о книге. Еще более резко охарактеризовал ее исследователь Скафтымов уже XX в. [16, с. 140].

И, наконец, нельзя не отметить откровенно *апологическое* в отношении Лермонтова сочинение – «Очерк истории русской поэзии» А.П. Милюкова (1847). Это учебное пособие, пользовавшееся широкой популярностью у преподавателей словесности и нередко самих учащихся, о чем свидетельствуют трехкратное переиздание пособия (1847; 1858; 1864), при том, что в качестве официального руководства оно ни разу не предлагалось, поскольку имело репутацию слишком либерального. Милюков, лично знавший Белинского и находившийся под сильным его влиянием, в сущности, и изложил в своей книге взгляды критика.

Книга начинается и заканчивается цитатами из Лермонтова, а в сопоставительном анализе произведений Пушкина и Лермонтова Милюков нередко ставит последнего выше. Так, говоря о «Евгении Онегине» и «Герое нашего времени», Милюков отмечает, что если роман Лермонтова «уступает роману Пушкина в неисчерпаемом разнообразии картин и красок, в удивительном переливе света и теней, зато превосходит его полнотою мысли, силою и быстротою действия и занимательностью сцен» [11, с. 192]. Или, сравнивая стихотворения «Пророк» у двух поэтов, отмечает, что стихотворение Лермонтова «служит продолжением пьесы Пушкина, другою стороною одной и той же медали, выбитой двумя великими поэтами в памяти своего века и общества» [11, с. 195]. И, наконец, итоговый вывод Милюкова: «Не говоря уже об идеях, вполне современных, сколько силы и искусства в его [Лермонтова. – Н.П.] картинах и в характерах его лиц! <...> как блестящ и могуч его язык, достигающий в последних произведениях, и особенно в “Валерике”, такого совершенства, до какого никогда не возвышался Пушкин» [11, с. 198].

Что касается значимости упомянутых хрестоматий и учебников, на протяжении 1820-х – начала 1840-х гг. «Учебная книга» Греча оставалась наиболее авторитетной и повлияла на последующие поколения хрестоматий. Так, Галахов в своей «Полной русской хрестоматии» прямо следует его принципу отбора авторов и произведений, как и Плаксин, который выражает благодарность Гречу в предисловии своих учебников.

С середины 1840-х гг. «Полная русская хрестоматия» Галахова вытесняет по популярности книгу Греча и становится одним из основных школьных пособий, выдержавших около 40 изданий и использовавшихся в преподавании с 1843 по 1918 гг., т.е. около 80 лет.

Итак, из 23 хрестоматий и учебников 1840-х – 1850-х гг. 17 содержат тексты произведений Лермонтова или упоминания о них. Это позволяет утверждать, что с середины 1840-х гг. произведения Лермонтова прочно вошли в корпус образцовых текстов, все чаще и чаще включавшихся в состав хрестоматий и учебников.

Перечень этих произведений в исследуемый период следующий: роман «Герой нашего времени» (фрагменты повестей «Бэла», «Максим Максимыч», «Княжна Мери»), поэмы «Мцыри», «Демон» (обе во фрагментах), «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Боярин Орша» (фрагменты), «Хаджи Абрек» (фрагменты), «Воздушный корабль», стихотворения «Казачья колыбельная песня», «Два великана», «Бородино», «Дума» («Печально я гляжу на наше поколенье...»), «И скучно и грустно...», «Валерик», «Ветка Палестины», «Парус», «Пророк», «Ангел», «Спор», «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Когда волнуется желтеющая нива...» «Выхожу один я на дорогу...», «Из Гёте».

К концу 1840-х гг. наметилась тенденция к созданию единой программы, при этом инициатива исходила не из Министерства народного просвещения, а из ведомства военно-учебных заведений, возглавляемого Я.И. Ростовцевым. Результатом стал составленный в 1848 г. А.Д. Галаховым и Ф.И. Буслаевым «Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях...» [9], опубликованный в 1852 г. после публичных дебатов. Здесь впервые указывались не только образцовые авторы, но и в некоторых случаях произведения, распределенные по годам с учетом сложности. Этот канон стал основой последующих гимназических и университетских программ 1860–1870 гг.

В частности, в программе старших классов в разделе «Лирическая поэзия», подразделе «Новейшая лирическая песнь» среди рекомендованных поэтов приведен и Лермонтов в одном ряду с Жуковским, Пушкиным, Языковым [9, Программа Первого специального класса, с. 6]. Во втором специальном классе в разделе «История русской словесности, новый период, отдел 4 (От Пушкина до нашего времени)» значит: «Лермонтов. Отличительное свойство его таланта. Отношение к Пушкину. Главнейшие сочинения» [9, Прогр. Второго спец. кл., с. 28]. Список рекомендованных текстов Лермонтова не указан, однако его можно вывести из книг, рекомендованных для чтения в классе: «Опыт краткой истории русской литературы» Греча и хрестоматия Галахова [9, Прогр. Второго спец. кл., с. 32].

Первым учебником, написанным в соответствии с этой программой, стал уже упоминавшийся гимназический курс теории словесности, созданный Зеленецким по заказу Министерства народного просвещения и опубликованный в 1851–1852 гг. [8].

В целом, 1850-е гг. не принесли большого количества новых хрестоматий и учебников. Наиболее значимыми были гимназический курс Зеленецкого и хрестоматия Галахова, регулярно переиздававшаяся (1849; 1852;

1853; 1857; 1859). Однако в немногочисленные новые учебные издания, например, «Материалы для учебной словесности» А.П. Смирнова (1858), произведения Лермонтова включены.

Литература:

1. *Аскооченский В.И.* Краткое начертание истории русской литературы. Киев: Унив. тип., 1846. 162 с.
2. *Будрин А.М.* Теория словесности: Тетрадь 1–4., М.: тип. А. Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1844–1845. Тетрадь 1. 150 с. Тетрадь 2. 40 с. Тетрадь 3. 150 с. Тетрадь 4. 88 с.
3. *Галахов А.Д.* История одной книги // Исторический Вестник. 1891. Т. XLIV. Июнь. С. 561–567.
4. *Галахов А.Д.* Ответ г. Шевыреву на разбор его «Полной русской хрестоматии»... // Отечественные Записки. 1843. Т. 30. Смесь. С. 35–41.
5. *Галахов А.Д.* Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1–2. М.: тип. А. Семена при Имп. медико-хирург. акад., 1843. Ч. 1. 454 с. Ч. 2. 504 с.
6. *Греч Н.И.* Учебная книга русской словесности. 3-е изд. Ч. 1–4. СПб: тип. К. Жернакова, 1844. Ч. 1. 360 с. Ч. 2. 387 с. Ч. 3. 334 с. Ч. 4. 346 с.
7. *Зеленецкий К.П.* История русской литературы для учащихся. Одесса: тип. Л. Нитче, 1849. 236 с.
8. *Зеленецкий К.П.* Теория словесности. Курс гимназический. Ч. 1–4. СПб.: Департамент нар. просвещения, 1851–1852 (Тип. Имп. акад. наук). Ч. 1. 163 с. Ч. 2. 240 с. Ч. 3. 320 с. Ч. 4. 280 с.
9. Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, составленный А. Галаховым и Ф. Буслаевым, на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений высочайше утвержденного 24-го декабря 1848 г. СПб.: тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1852. 33 с.
10. Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981, 784 с.
11. *Милюков А.П.* Очерк истории русской поэзии. СПб.: тип. Э. Веймара, 1858. 234 с.
12. *Охотин А.А.* Учебник русской словесности для средних учебных заведений с примерами из лучших отечественных писателей. Ч. 1–2. СПб: тип. воен.-учеб. заведений, 1849. Ч. 1. 224 с. Ч. 2. 225 с.
13. *Плаксин В.Т.* Учебный курс словесности, с присовокуплением предварительных понятий о человеке вообще, о его познавательных силах, о свойствах и связи мыслей; краткой теории изящных искусств и примеров во всех родах прозаических и поэтических сочинений. Кн. 1–2. СПб.: М.Д. Ольхин, 1844. Кн. 1. 312 с. Кн. 2. 357 с.
14. *Плаксин В.Т.* Руководство к изучению истории русской литературы, составленное наставником-наблюдателем, преподающим русскую словесность в офицерских и верхних юнкерских классах артиллерийского училища, в верхних классах главного инженерного училища и в специальных 1-го кадетского корпуса. Второе издание, оконченное и во многих частях совсем переделанное. СПб.: тип. К. Жернакова, 1846, 463 с.
15. *Святой Ф.Н.* Русская хрестоматия, или избранные места из русских прозаиков и стихотворцев, с немецкими объяснениями слов и предметов. Курс 1–2. Ревель, 1846–1848. К. 1. 152 с. К. 2. 148 с.
16. *Скафтымов А.П.* Преподавание литературы в дореволюционной школе (Сороковые и шестидесятые годы) // Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та. 1938. Вып. 3. С. 118–232.
17. *Чистяков М.Б.* Курс теории словесности. Ч. 1–2. СПб.: Кораблев и Сиряков, 1847. Ч. 1. 238с. Ч. 2. 288 с.